

Кокорев Иван Тимофеевич

**Очерки Москвы сороковых
годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Тимофеевич К.**
Очерки Москвы сороковых годов / Кокорев Иван Тимофеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 407 с.

ISBN 978-5-519-89776-1

ISBN 978-5-519-89776-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ КОКОРЕВ

Имя это ничего не говорит современному читателю. Это — один из тех «забытых писателей», о которых знают только специалисты-литературоведы. Между тем Кокорев заслуживает того, чтобы его вернуть из забвения.

Талантливый бытописатель Москвы сороковых годов, он создал целый ряд интересных очерков из жизни городской бедноты, мелких ремесленников, мастеровых. Очерки Кокорева в свое время пользовались вниманием читателей и критики. О них с похвалой отзывались П. В. Анненков, А. В. Дружинин, П. С. Тургенев; Аполлон Григорьев называл их «ярко-талантливыми». От рано умершего Кокорева, — писал Добролюбов,¹ — ждали «серьезного, глубоко задуманного и строго выполненного произведения из нашей городской жизни, которую он знал в мельчайших подробностях и которой умел сочувствовать... Он не издали, не в качестве дилетанта народности, не в часы досуга, не для художественного наслаждения наблюдал и воображал жизнь бедняков, с горем и часто с грехом пополам добывающих кусок хлеба. Он сам жил среди них, страдал с ними, был с ними связан кровно и неразрывно».

¹ Полное собр. соч. Н. А. Добролюбова, под ред. Е. В. Аничкова. Т. V, стр. 287—295. Статья «Очерки и рассказы И. Т. Кокорева». В дальнейшем ссылок на эту статью не делается.

Литературный очерк в наши дни пользуется всеобщим вниманием. Творчество очеркиста Кокорева дает ценный материал для изучения этого литературного жанра. Жизнь тех социальных пластов, которые изображал Кокорев, была позднее с большей полнотой представлена в очерках и рассказах беллетристов-народников, «художников-социологов», как определяет их Г. В. Плеханов. Не обладавший публицистическим пафосом народников, Кокорев в какой-то мере является их предшественником.

Но очерки Кокорева интересны не только в историко-литературном отношении. Они ценны как бытовые страницы, рисующие Москву сороковых годов и при том тех слоев ее, которые в то время только начинали привлекать внимание писателей.

Жизнь и творчество Кокорева — по выражению Добролюбова — «грустная история гибели таланта». Не вышедший на широкую литературную дорогу, он был забыт очень скоро после смерти своей даже ближайшими друзьями. Один из них, В. Деметьев, редактор посмертного издания его очерков, собирался написать подробную биографию рано умершего писателя, но обещания своего так и не исполнил, ограничившись краткими воспоминаниями. Грустную историю жизни и творчества московского очеркиста приходится воссоздавать по клочкам: биографические сведения о нем скудны и отрывочны.

Иван Тимофеевич Кокорев родился в 1826 г. в Москве, в семье бедного крепостного-отпущенника, приписанного к мещанскому сословию. Мать писателя служила кухаркой, один из братьев был извозчиком. Первоначальное образование Кокорев получил в уездном училище. Учитель обратил внимание на отличные способности Кокорева и ходатайствовал о принятии его

в гимназию, куда в эпоху Николая I принимались только дворяне, а податные сословия допускались в исключительных случаях. По законам того времени мещанам, принадлежащим к податному сословию, доступ в гимназию был затруднен необходимостью представлять увольнительное свидетельство от мещанского общества с гарантией, что общество принимает на себя за увольняемого платеж податей и отправление рекрутской повинности. Нужно думать, что бедняк Кокорев мог с большим трудом, только благодаря хлопотам своего учителя, получить это свидетельство, раскрывшее перед ним двери 2-й Московской гимназии.¹

Прекрасно учился Кокорев и в гимназии. Не ограничиваясь требованиями казенной учебы, он много читал и, как говорит Дементьев, отличался от сверстников своих широтой познаний. Вероятно, еще в гимназии он стал пробовать свои силы в «изящной словесности» и, как всякий юноша, влюбленный в литературу, начал со стихотворных опытов. Может быть поэтому-то, как начинающего стихотворца, кто-то рекомендовал его сиятельной поэтессе, графине Е. П. Ростопчиной; графиня отдавала ему переписывать свои стихи и хвалила его грамматические познания.

Но окончить гимназию Кокореву не пришлось; он вышел из пятого класса, так как московское мещанское общество отказало ему в выдаче увольнительного свидетельства, которое требовалось при переходе в следующий класс.² С шестнадцати лет недоучившийся бедняк

¹ В. Дементьев. Черты из жизни Кокорева. — «Москвитянин», 1853, т. IV, № 14, кн. 2; Ф. Уводин (Псевдоним беллетриста-народника Ф. Д. Нефедова). Забытый писатель. — «Моск. Губ. Ведомости» 1863, № 53—54.

² В русском биографическом словаре (том Кнаппе — Кюхельбеккер) сказано, что Кокорев вышел из гимназии по недостатку средств.

гимназист начал зарабатывать себе кусок хлеба литературным трудом; он писал мелкие статьи и заметки для журнала «Живописное Обозрение», занимался «правкой» литературного материала.

Вероятно, бедный сын мещанина, вступив на литературную дорогу, вынужден был искать покровительства знатных меценатов.

Горечью живых воспоминаний полон следующий отрывок из очерка Кокорева, рисующий посещение «вельможного покровителя литературы» начинающим поэтом:

«С трепещущим, полным надежд сердцем, поднялся он по великолепной лестнице в огромную приемную и робко занял место в длинном ряду просителей. Скоро распахнулись двери кабинета, и вельможа двинулся в путь, где предстояло ему сделать много добра или худ. С тревожным чувством заметил Миша, что он не в духе, расстроен.

— Вам что угодно? — спросил меценат, дошед наконец до него.

— Ваше превосходительство назначили мне явиться...

— Зачем?

Молча подал ему юноша «Бессмертные души», плод двух бессонных ночей. Бегло взглянул вельможа на мелко исписанную, точно бисером, тетрадь и, как громом, вдруг поразил поэта вопросом:

— А читали ль вы Клопштока?

Смущенный Миша не знал, что отвечать на такой неожиданный экзамен.

— Какой же вы поэт, если не читали Клопштока? — заметил меценат.

— Я полагал, что, чувствуя призвание... — смиренно было начал Миша; но покровитель быстро прервал его новым замечанием:

— Да кто же вас призывал? — и, молвив это, двинулся далее.¹

Но юноша чувствовал свое призвание. Ни холодная черственность меценатов, ни совершенно ничтожные гонорары за черную работу литературного поденщика не могли заставить Кокорева свернуть с избранного им пути. От мелких статей и заметок он стал переходить к бытовым очеркам. Круг его литературных знакомств расширился, он печатался уже в толстом журнале, в «Москвитянине», редактор-издатель которого, известный историк и публицист М. П. Погодин, обратил внимание на талантливого молодого сотрудника. С 1846 г. Кокорев стал работать в редакции «Москвитянина» в качестве секретаря.

Старик Погодин сам был сыном крепостного, сам он «вышел в люди и приобрел положение собственным трудом и упорством, но, конечно, не без искательств перед сильными мира». Был он сентиментален и в то же время необыкновенно практичен. Скупостью отличался непомерной. Кокорев за свое секретарство в редакции получал от него гроши — 15 рублей серебром, а работой был завален: на нем лежали обязанности по выпуску журнала, связь с типографией, корректура, правка статей, составление библиографических заметок и всякой мелочи для «смеси» — отдела, в те годы необходимого в журналах. Кокорев постоянно нуждался. Его неизданные письма к Погодину полны просьбами о деньгах, о ничтожных суммах в пять-десять рублей; нередко у него не было сапог, и он униженно извинялся, что не мог поэтому быть в редакции или в типографии.²

¹ Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Ч. 1, М. 1858, стр. 21—22.

² Письма Кокорева к Погодину хранятся в рукописном отд. Публичной библиотеки СССР им. Ленина.

В три томика очерков и рассказов Кокорева, изданных после его смерти, включены и его мелкие журнальные статьи, которые он в течение нескольких лет поставлял для «Москвитянина» и за которые получал нищенское вознаграждение. Эти статейки, написанные по заказу, отличаются, как заметил Добролюбов, «какой-то несвойственной Кокореву размашистостью, неловким умничаньем и претензиями». «Боже мой! чего тут нет? — восклицает Добролюбов, — до чего была доведена эта свежая поэтическая натура, на что растрачивался этот оригинальный талант!» Тут «Искусство наживать деньги способом простым, приятным и доступным всякому, соч. знаменитого банкира Ротшильда», и «Девицы Ленорман Хиромантия, способ узнавать и предсказывать будущность, гадание по картам», и «Стряпуха, или опытная кухарка» и другие произведения «кухонной литературы» (выражение Кокорева), и «Магазин всех увеселений, или полный, подробнейший оракул и чародей, славных астрономов и мудрецов», и «Бабушка-ворожея», и «Сокровенные тайны женского туалета», и «О комнатных домашних собачках», и «Новый способ истребления клопов, тараканов, мух и разных гадов, блох и мышей», и множество пустых водевилей, бездарных романов, стихов... А в отделе «Смесь» надо было острить и, забавляя читателей, рассказывать о «химической воде г. Лоба», об «операторе для рогоносцев», о «воззвании к крысоистребителям», о поздравительных стихах трактирных и клубных швейцаров, о новом танце «мужик-полька», о мази от выпадения волос, о «значении розы» и пр. и пр.

«Какой талант, какая поэзия может сохраниться в человеке, принужденном убиваться над такими предметами? — спрашивает Добролюбов. — Грустно перебирать эти заметки в собрании сочинений Кокорева

грустно за него и горько на тех, кто его довел до таких занятий. Они не мало повредили развитию его таланта».

Говоря о грустной судьбе писателя, загубившего свой талант несвойственной ему работой на заказчиков-издателей, Добролюбов приводит слова талантливого художника, выведенного Кокоревым же в рассказе «Сибирка»: «Правду сказать, не хвастая, — если бы не городская работа, где пиши одно и то же, по известной мерке, да клади побольше ярких красок, чтобы не даром платить деньги, как толкуют покупщики; если бы не это вечное малярство, да не нужда, которая часто заставляет работать на скорую руку, с грехом пополам, — можно бы написать не хуже людей, хоть в академию».

Кокореву же, в силу вечной нужды, постоянно приходилось заниматься главным образом этим «малярством», работой «на скорую руку». Посылая (в 1848 г.) одну из своих статей Погодину, он писал ему: «Статья — товар, я — мастеровой, которому, во что бы то ни стало, надобно сбыть ее».

Можно только удивляться, что, работая как мастеровой, Кокорев все же находил возможность работать и как художник и писал «не хуже людей».

Социальные корни бытовых, реалистических очерков Кокорева из народной жизни — в его положении разночинца.

«Он описывал народную жизнь, — говорит, развивая мысль Добролюбова, Венгеров, — не по наслышке, не как просвещенный наблюдатель. Он сам был непосредственный сын народа, сам на своей шкуре испытывал горе, тревожения, мелкие радости той жизни, которую выставлял в своих бесхитростных рассказах. Оттого они так полны множества бытовых черт, кото-

рых нет у писателей, стоявших несравненно выше его по чисто художественной силе». ¹

Это органическое народничество во многом спасало Кокорева от влияния идей «официальной народности», главнатеае которой был «Москвитянин» Погодина и Шевырева 'с их «квасным патриотизмом», противопоставлением Востока с его смиренномудрием «гнилому Западу», полным оправданием всего строя крепостнической России. «Коренными русскими чувствами», противопоставляемыми Западу, Шевырев считал: «чувство религиозное», «чувство государственного единства» и «сознание нашей народности». «Официальное представление о народности, — говорит Плеханов, — сочувственно разделявшееся большинством тогдашнего правящего класса, было представлением о народной массе, которая, отличаясь здоровьем и крепостью, — что очень полезно при ее полной лишений жизни, — в то же время радуется своих благодетелей терпением, кротостью, а главное — покорностью». ² Классовое сознание разночинца определяло тематику очерков Кокорева, реализм его письма, глубокое чувство грусти и теплый, мягкий юмор, с которым изображал он московских мастеровых и ремесленников, разносчиков, «ванек» и лихачей, ловких половых-ярославцев, старых крепостных слуг, мелких чиновников, тесный и бедный круг мещанской жизни, с его печальми и скромными радостями.

Однако воздействие «официальной народности» ощутительно в бесхитростных очерках и рассказах Кокорева. И в его героях и в его лирических отступлениях слишком много покорности судьбе, кротости и терпения; идиллически-сентиментальный тон, в котором он иногда

¹ С. Венгеров. — «Вестн. Евр.» 1886, № 2, стр. 584.

² Г. В. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли (Погодин и борьба классов). П. 1923, стр. 66.

ведет свое повествование о жизни «работающих бедняков», проникнутых убеждением, что «нельзя бога гневить», «будь доволен малым», — в прямой зависимости от официальной народности. Добролюбов, с глубоким сочувствием относившийся к творчеству Кокорева, отметил отсутствие в нем протеста против социальной несправедливости. «Рассказы его, — писал критик, — не протест против общественной неправды, не плод мстительного раздражения; в них нет желания отравить вам несколько минут изображением житейской неправды и незаслуженных страданий. Напротив, в произведениях Кокорева есть даже какая-то попытка примирения, в них слышится тон не допроса и суда, а скорее задушевной грустной исповеди за себя и за своих братьев. Но исповедь эта наводит на вас тоскливые думы, и их не рассеивает даже оптимизм автора. »

Близость к старой редакции «Москвитянина» сказывается иногда в языке и в стиле очерков Кокорева. «Москвитянин» отвергал у либеральных писателей даже знание русского языка. В «Памятном листке», который на протяжении двух лет печатал в «Москвитянине» некий учитель Покровский, петербургские либеральные журналисты уличались в незнании русского языка и грамматики. Этот, — по выражению Венгерова, — «достойный преемник Шишкова» набрасывался на петербургских либералов за употребление таких слов, как *скандалный*, *реставрация*, *комбинация* и пр.; по мнению «учителя» следовало вместо «культура» говорить «возделывание», вместо «мотивировать» — «основать действие на самой природе». ¹

Этот консерватизм в языке, царивший в «Москвитянине», отразился и на Кокореве. Он составлял список

¹ С. Венгеров. — «Вестн. Евр.» 1886, № 2, стр. 584.

иностранных слов, которые следует заменить словами русскими (аборигены — исконные жители, апломб — увес-кость, Архимедов винт — червяк, баррикады — завалы, депо — склад, пейзаж — краевид, портрет — поличие, подобень и т. п.); ¹ в стиле сотрудника «Москвитянина» он иронизировал над словами: цивилизация, аттестация, рекомендация и т. п. (см. очерк «Публикации и вывес-ки»), «как будто, — писал о нем Дружинин, — жалеет о старине, когда еще не существовало промышленности, когда и без публикации язык доводил до Киева, когда были кумушки вестовщиды». ²

Повторяя рассуждения «Москвитянина» о чистоте русской речи, Кокорев, конечно, не сознавал всей их консервативности, не чувствовал того, что филология «Москвитянина» является выражением его реакционной идеологии, враждебной по существу не иностранным словам, а «новым веяниям». Но разночинец, еще не осознавший и не почувствовавший необходимости протеста против изображаемой им «житейской неправды», не мог осознать эту «неправду» и в классово чуждой ему идеологии реакционного «Москвитянина». В этом, конечно, нельзя винить Кокорева, который точно так же, как и Погодин, по определению Плеханова, «представлял собою тот период в развитии наших образованных разночинцев, когда они совсем еще не имели веры в народную самостоятельность». ³

К счастью рассуждения во вкусе Погодина и Шевырева не заполнили очерков Кокорева. Наблюдательность бытописателя-реалиста, бесхитростная простота, с кото-

¹ И. Т. Кокорев. Т. III.

² А. В. Дружинин. Собр. соч. Т. VI, II. 1865, стр. 289—290.

³ Г. В. Плеханов. Очерки по истории русской общественной мысли XIX в. II. 1923, стр. 67.